

Историческая политика в Косово*: память элит и контрпамять жертв в публичных пространствах государства *de facto* (противоречия коллективной памяти и мемориальной культуры)

Максим Валерьевич Кирчанов, ВГУ, Воронеж, Россия

Контактный адрес: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

АННОТАЦИЯ

В представленной статье автор анализирует особенности и направления развития коллективной исторической памяти в Косово как регионе со спорным международным политическим статусом. Целью исследования является анализ политики памяти, проводимой региональными политическими элитами Косово, которая содействует консолидации политической идентичности региона. Автор анализирует роль и место истории и представлений о прошлом в дискурсе, формируемом элитами современной Приштины. Методологически статья актуализирует достижения междисциплинарной историографии, представленной мемориальным поворотом, и исследований, сфокусированных на анализе национализма как фактора развития и трансформации мемориальных культур. Новизна исследования состоит в изучении актуального этапа в развитии исторической политики в Косово как регионе со спорным политическим статусом, стремящимся к институционализации и признанию как нации-государства. В статье показано, что: 1) политические элиты современного Косово активно используют реальный и символический потенциалы коллективных представлений о прошлом, 2) историческая политика в Косово и формируемая ее участниками мемориальная культура отличаются высокой степенью идеологизации, 3) национализм является важнейшим фактором, определяющим основные векторы и траектории развития исторической политики и мемориальной культуры. Предполагается, что политика памяти, приводимая элитами, в целом отличается тенденцией к сочетанию этнического и гражданского албанского национализма, высоким уровнем политизации и идеологизации истории, ее активным использованием и инструментализацией в публичных и общественных пространствах, что превращает коллективные представления о прошлом в фактор мемориальной конфронтации и войн памяти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

историческая память, политика памяти, Косово, войны памяти, инструментализация истории, мемориальная культура

* В соответствии с Резолюцией СБ ООН 1244 является частью Республики Сербия.

Введение

В современном мире историческая политика, или политика памяти, стала универсальным средством, которое политические элиты различных государств используют для формирования соответствующих идентичностей, в максимальной степени соотносимых с их идеологическими предпочтениями, позиционируемых ими в качестве основ гражданской или этнической идентичности того или иного общества. Не является исключением из подобной логики политизации и инструментализации истории и политики со спорным статусом.

Одним из таких государств является Косово, которое исторически представляло собой часть сербского/югославского политического пространства, но в 1990-е гг. в условиях кризиса в Югославии на территории региона стали усиливаться сепаратистские тенденции, связанные с рядом факторов, включая как рост албанского сепаратизма, так и некоторые объективные ошибки правящих сербских политических элит. Участие в конфликте сербского и албанского национализмов привело к острому политическому, межэтническому и межконфессиональному конфликту, отягощенному внешним вмешательством со стороны внерегиональных акторов, в результате которого Белград фактически утратил контроль над территорией Косово, которое превратилось в территорию со спорным статусом – в независимое, частично признанное (или *de facto*) государство.

Несмотря на то, что Косово не имеет полного международного признания¹ и лишь ограниченно представлено в международных организациях, регион стремится позиционировать себя в качестве государства. Решая эти задачи, местные политические элиты вынуждены использовать и такой ресурс как политика памяти, схожей с исторической политикой самой Сербии. Такая ситуация стала следствием того, что правящие группы Сербии, равно как и политический класс Косово являются участниками достаточно напряженных войн памяти и фактически втянуты в ситуацию мемориальной конфронтации, отягощенной взаимными политическими, идеологическими, этническими и религиозными претензиями.

Целью статьи является анализ основных векторов и направлений развития и трансформации мемориальной культуры, которая в современном Косово формируется в результате сознательных манипуляций со стороны правящих элит с историей и коллективными представлениями о прошлом, известными под общим названием «историческая политика». В задачи автора входят изучение направлений политики исторической памяти в Косово, выявление особенностей исторической политики, анализ проблем мемориальной политики на террито-

1 Косово является примером частично признанного государства или государства *de facto*. В Конституции ФНРЮ 1946 г. регион имел автономный статус в составе Социалистической республики Сербия. Конституция 1974 г. подтверждала автономиию Косово. Референдум 1989 г. в Сербии существенно сократил автономиию. В 1990 г. власти Сербии ввели в Косово чрезвычайное положение, в ответ на что 22 сентября 1991 г. была провозглашена Республика Косово. 22 октября 1991 г. независимость Республики Косово признала Албания. На протяжении 1990-х гг. регион, фактически контролируемый Белградом, стал ареной этнополитического столкновения между албанцами и сербами. Конфликт стал поводом для вмешательства НАТО в 1999 году. Белград был вынужден дать свое согласие на ввод военного контингента KFOR. Регион был передан под управление ООН на основании резолюции СБ ООН № 1244 от 10 июня 1999 года. 17 февраля 2008 г. Парламент Косово объявил о провозглашении независимости. 1 декабря 2009 г. в Международном суде были инициированы слушания о легитимности одностороннего провозглашения независимости. 22 июля 2010 г. Международный суд признал законность решения властей Косово. В целом к 2024 г. Белград считает Косово юридически частью Сербии. К 2024 г. независимость Косово признана 85 государствами-членами ООН. 15 государств-членов ООН отозвали признание. 75 государств-членов ООН не признают независимость Косово.

рии региона, связанных с доминированием националистического воображения и воспроизводимых им мифологем, а также прогнозирование перспектив и трансформаций развития мемориальной культуры в регионе.

Методологические ориентиры

В центре настоящей статьи – проблемы исторической памяти и той мемориальной культуры, которая формируется в ее рамках на контролируемой Приштиной территории. Несмотря на то, что Косово регулярно оказывается в центре внимания исследований историков и политологов, в научной литературе, к сожалению, доминируют тенденции к однобокому восприятию косовской проблематики.

С одной стороны, для части авторов косовский конфликт – пример международного геополитического противостояния между условным Западом, союзной ему мусульманской Албанией и неправославным миром¹, редуцируемом в данном случае до Сербии². Такие интерпретации рискуют быстро утратить академический характер, что почти автоматически актуализирует в подобных текстах алармистский подход³. С другой, – проблемы Косово могут сводиться до сербо-албанского этнополитического конфликта⁴. Такая редукция также представляется крайне непродуктивной, так как чревата политизацией историографии и усилением этноцентричного подхода и примордиалистских описаний нации. Последнее ведет к тому, что современные этнические и политические идентичности могут проецироваться на различные сообщества, которые существовали в прошлом, и воспринимаются как предковые группы для косовских албанцев и сербов.

Обе эти интерпретационные модели склонны низводить проблемы современного Косово преимущественно до взаимодействия и влияния внешних факторов – коллективного Запада, православного мира, Албании, Сербии, албанского и сербского национализмов. За подобными объяснениями, как правило, игнорируется само Косово – регион, который фактически четверть века развивается в рамках своей собственной модели, декларируя и позиционируя себя в качестве суверенного и независимого государства. Исследований, сфокусированных на изучении внутренних проблем Косово, в российской историографии немного⁵. Поэтому игнорирование собственно косовской проблематики в ее внутренней перспективе ведет к тому, что широкий круг вопросов, включая государственное строительство, политические процессы, национализм в региональной перспективе, культура, коллективная память, трансформации идентичности и историческая политика остаются за пределами внимания современных балканистов.

Между тем полученный уникальный опыт региона в качестве *de facto* государства, его способность адаптироваться к изменяющимся условиям и международной ситуации, формирование уникальной политической культуры с актив-

1 Илляр 2011.

2 Кандель 2009.

3 Крюков 2009.

4 Кошар 2019.

5 Энтина 2021.

ным участием женщин в стране с мусульманским большинством – эти и другие факторы указывают на важность и необходимость изучения современных внутренних процессов в Косово, включая региональную форму политики памяти и мемориальной культуры.

На современном этапе междисциплинарная историография проявляет значительный интерес к проблемам памяти и исторической политики. Концепты «коллективной памяти», «политики памяти», «исторической политики», «мемориальной культуры» и их производные уверенно вошли в лексикон такого направления в развитии исторической науки и смежных дисциплин как *Memory Studies*.

В современной историографии в отношении коллективной исторической памяти фиксируются два подхода. В рамках первого память и ее производные анализируются при помощи традиционного инструментария исторической науки, редуцируясь до нарративов и дискурсов¹. В таких исследованиях историческая политика воспринимается через призму критического осмысления деятельности интеллектуалов², которые вовлечены в формирование и репрезентацию образов истории в публичных и общественных пространствах³. Второй подход предусматривает отход от текста в направлении визуальных проявлений и форм исторической политики и коллективной памяти, что позволяет анализировать, конструировать и деконструировать мемориальную культуру через призму визуальных форм – от кинематографа и комикса до монументальных памятников и сооружений, призванных пространственно зафиксировать и подчеркнуть опыт того или иного сообщества⁴.

Анализируя историографию, посвященную исторической политике и, как результат, мемориальной культуры Косово, кажется необходимым указать на ряд факторов, в частности, автор не склонен позиционировать статью как текст, написанный через призму «классических» теорий памяти, представленных в работах М. Хольбвакса⁵, П. Нора⁶ и А. Ассманн⁷. Проявления исторической политики в Косово не могут быть определены как «ориентиры» для элит в их манипулятивных стратегиях работы с прошлым: историческая политика развивается не в социальной, но в националистической, т.е. идеологической, системе координат.

Кроме того, формы политики памяти, практикуемые в Косово, сложно отнести к «местам памяти» П. Нора, так как последние в регионе представлены лишь памятниками и не соотносятся с такими формами мемориальной культуры как праздники, ритуалы, торжества. Изучая стратегии исторической политики в Косово, автор исключает концепцию А. Ассманн в силу того, что практикуемая элитами региона политика памяти слабо соотносится с идеальными моделями компромисса, диалога и примирения, так как реальные мемориальные практики актуализируют ценности национализма.

1 Mallot 2012.

2 Stanislawski 2001.

3 Baár 2010.

4 Potter 2022.

5 Halbwachs 1925.

6 Nora 2010.

7 Assmann 2010.

Историография

Рассматривая проблемы коллективной памяти в Косово, невозможно не принимать во внимание фактор албанского национализма¹. Изучение исторической политики в Косово представляется более перспективным через призму теоретических подходов, предложенных в классической историографии национализма, но не в классических текстах о феномене памяти, несовпадения которых с косовской мемориальной ситуацией описаны выше, так как история косовского национализма на региональном уровне² интегрируется в гранд-нарративы исследований, сфокусированных на изучении албанского национализма как «материнского»³.

Различные представления о прошлом, которые доминируют в публичных и общественных пространствах региона автор склонен воспринимать как социокультурные конструкты, предложенные националистическими политиками и интеллектуалами. Поэтому предполагается, что национализм в Косово стал фактором инструментализации исторического прошлого, в результате чего оно становится одним из символических ресурсов в арсенале политических элит, которые пользуются им для контроля как над общественным мнением, так и для политической мобилизации населения региона.

Анализируя историческую политику, автор использует теорию воображения сообществ⁴ и изобретения традиций⁵. В рамках подобных подходов различные манипуляции с фактами прошлого, политизацию и инструментализацию истории мы можем воспринимать как региональные формы изобретения традиций, которые призваны утвердить публичные и общественные ритуалы, используемые для консолидации коллективной исторической памяти в регионе, что содействует трансформации жителей Косово в политическую нацию, то есть воображаемое сообщество. В этой ситуации мы вынуждены констатировать наличие непосредственной зависимости между политизацией истории и ее превращением в символический ресурс современной политики, что соотносится с развитием политической культуры в Косово как государства *de facto*, где политически и идеологически инструментализованная история стала важнейшим фактором политики идентичности.

Политика памяти в Косово: стартовые условия и характеристики

Анализируя особенности как политики памяти, так и формируемой ей мемориальной культуры, во внимание следует принимать стартовые условия и социальные особенности косовского общества, которые существенно повлияли на манипуляции с прошлым на региональном уровне. В проведении исторической политики в Косово, общество которого «остается глубоко разделенным при понимании и интер-

1 Brackob 2022.

2 Kostovicova 2005.

3 Kalemaj 2014.

4 Anderson 1983.

5 Hobsbawm, Ranger 1983.

претации своего недавнего прошлого»¹, изначально был вовлечен относительно широкий спектр акторов, что придавало их инициативам в сфере сохранения и продвижения памяти гетерогенный характер, но последний не получал развития, будучи слабо представленным в общественных пространствах. Комментируя особенности исторической политики в регионе, Е.А. Колосков полагает, что «власти при формировании нового нарратива проявили достаточно большую изобретательность»², что скорее всего является не совсем верным. Поэтому для косовских нарративов на протяжении первой четверти XXI в. системной характеристикой являлось стремление к унификации памяти, хотя относительное и весьма условное тематическое разнообразие сохранялось, не получая развития, будучи ограниченным мемориальным опытом отдельных групп и сегментов косовского социума.

С одной стороны, центральным сюжетом в мемориальных практиках и стратегиях агентов исторической политики являлась память о вооруженной борьбе против Белграда, которая позиционировалась в качестве не только патриотической, но и оправданной. С другой, политика памяти в Косово не могла игнорировать ресурс албанской этничности, так как именно на сохранение последней и была направлена сепаратистская активность предыдущих поколений косовских политиков. Подобная тематическая ограниченность исторической политики фактически институционализировала узость мемориальной культуры, представленной националистическими рефлексиями относительно вооруженной борьбы за освобождение³, тем не менее, не исключает множественности памятей⁴, которые, правда, ограничены индивидуальными, но не групповыми траекториями формирования представлений о прошлом.

Кроме того, для косовской версии политики памяти практически с начала XXI в. было характерно отсутствие специализированных государственных организаций и институций, подобных Институтам памяти. В регионе не были приняты соответствующие мемориальные законы, которые определяли бы официально допустимый канон восприятия прошлого в обществе. Поэтому не проводилась систематическая политика как в области собственно развития и поддержания мемориальной культуры, так и ее изучения.

К началу 2000-х гг. акторами памяти были преимущественно интеллектуалы⁵, вовлеченные в анализ особенностей мемориальной культуры на региональном уровне⁶, или косовские эмигранты в Западной Европе⁷ как носители памяти, к середине 2020-х гг. радикальных изменений не произошло. К началу 2020-х гг. Косово с его спорным статусом относилось экспертами к государствам, где элиты играли незначительную роль в проведении исторической политики и формировании мемориальной культуры⁸.

1 Sabina Kaqinari, "Memory and Dealing with the Past: Reflections from Kosovo," International Christian University Rotary Peace Center, June 14, 2022, accessed August 30, 2024, <https://rotaryicu.wordpress.com/2022/06/14/memory-and-dealing-with-the-past-reflections-from-kosovo-sabina-kaqinari-class-xix/>.

2 Колосков 2022b, 391.

3 Ingimundarson 2007.

4 Ermolin 2021.

5 Salvatici 2001.

6 Berishaj 2001.

7 Lafontaine 2001.

8 Serbeze Haxhijaj, "The Weak Role of the State of Kosovo in Shaping the Collective Memory of its Past," Forum ZFD, July 14, 2021, accessed August 30, 2024, <https://www.forumzfd.de/en/weak-role-state-kosovo-shaping-collective-memory-its-past>.

Вероятно, эти факторы влияли на то, что коллективная память развивалась выборочно, актуализируя одни болезненные моменты и травмы (разрушение мусульманского культурного наследия), но игнорируя другие (уничтожение православных храмов)¹, что автоматически делало мемориальную культуру сфокусированной на воспроизводстве и визуализации нарративов, генетически восходящих к политической традиции албанского национализма.

Мемориальная культура: избирательность и (само)цензура памяти

Некоторые неудобные проявления памяти в такой ситуации могут подвергаться направленной маргинализации, так, например, память о репрессированном и подавленном гендере² через призму сексуального насилия³, не совсем вписывается в доминирующий героический нарратив, основанный на национализме. Комментируя такую особенность мемориальной ситуации в Косово, Э. Красники подчеркивает, что «исторические нарративы имеют тенденцию позиционировать и описывать женщин как “мать этого героя”, “сестру этого важного политического заключенного”, игнорируя тот факт, что многие из этих матерей и сестер сами были активистками. Язык, используемый для описания женского активизма, очень специфичен, либо вращаясь вокруг их семейного статуса (мать, сестра), либо подчеркивая их “мужской” характер с использованием таких синтагм, как: “она боролась как мужчина”»⁴.

В рамках косовской модели проведения исторической политики и функционирования мемориальной культуры женщины фактически «были исключены из героического национального нарратива... им обычно отводилась роль матерей, домохозяек, которые заботились о мужьях и детях, которые готовили и ухаживали за ранеными солдатами... Даже их роль в мирном гражданском сопротивлении никогда не признавалась, что является явным проявлением политики забвения»⁵. В отношении памяти о сексуальном насилии в современном Косово более действенными оказались коллективные инструменты принудительного забвения, но не актуализации травматического опыта, так как последний подвергается стигматизации. Именно поэтому само социальное и культурное явление стигмы в Косово «пропитано гендерными патриархальными нравами, которые проявляются в политике послевоенного миростроительства в национальном сообществе жертв»⁶.

В сложившейся ситуации для Косово характерна конкуренция различных памятей, разделенных не только по принципу этничности (сербы и албанцы)⁷, но и сопричастности к борьбе и понесенным в ней жертвам, которые не столь

1 “Narrative Targeting History and Memory Presented in Kosovo,” SENSE Transitional Justice Center, July 25, 2024, accessed August 30, 2024, <https://sensecentar.org/activities/narrative-targeting-history-and-memory-presented-kosovo>.

2 Hoxha, Andresen 2021.

3 Di Lellio et al. 2019.

4 Krasniqi 2020, 166.

5 “The Politics of Memorialization in Kosovo: Between the Historicist and Materialist Approach,” Dealing with the Past, May 21, 2024, accessed August 30, 2024, <https://dwp-balkan.org/the-politics-of-memorialization-in-kosovo-between-the-historicist-and-materialist-approach/>.

6 Krasniqi et al. 2020.

7 Zdravković-Zonta 2009.

привлекательны для официальной коммеморации в отличие от погибших участников Армии освобождения Косово. Поэтому эксперты вынуждены констатировать, что косовской версии коллективной исторической памяти «не хватает памяти жертв среди гражданского населения. Дети, женщины и меньшинства остались на обочине памяти, так как поддерживаемый публичный дискурс прославляет только вооруженное сопротивление»¹.

Если в большинстве исторических политик и формируемых ими мемориальных культур «посткоммунистического мифологического ландшафта миф о страдании присутствует везде. Согласно ему, ни одна другая нация не пострадала так сильно, как страна того, кто об этом говорит и просто не может понять, почему внешний мир так нечувствителен к уникальному тяжелому положению его или ее группы»². Историческая политика в Косово не использовала этот универсальный ресурс политического воображения, тем самым проигнорировав его мобилизационный потенциал, который, вероятно, по мнению элит, не столь действенен, как героический нарратив.

Объектом маргинализации стала не только память жертв, но и проект, предложенный известным албанским писателем И. Кадаре³, шедший вразрез с мейнстримным подходом. Практически перед началом активной фазы конфликта писатель выступил с концепцией памяти Косово как одновременно европейской и героической⁴, что актуализировало бы западные модели исторического воображения и манипулирования прошлым. В перспективе развитие такой версии коллективной памяти могло бы приблизить мемориальную культуру Косово к общеевропейским тенденциям. Этого, однако, не произошло, так как историческая политика оказалась под контролем элит, которые факты прошлого воспринимали почти исключительно утилитарно, что привело к игнорированию не только мемориального проекта И. Кадаре, но и множественных травм, возникших в результате виктимизации коллективного опыта восприятия истории и места жертв как в ней, так и в современности.

В условиях маргинализации таких сюжетов со стороны элит и актуализации памяти о травме почти исключительно гражданскими активистами, доминируют большие нарративы, а агенты исторической политики, вовлеченные в их воспроизводство, склонны оперировать широкими обобщениями и масштабными образами, что и предопределяет «высокий» стиль политики исторической памяти, которая реализуется в Косово на официальном уровне.

Мемориальная политика: консервативная стабильность

Неизбежным следствием такой ситуации становится и то, что мемориальная культура исторической памяти в Косово использует крайне узкий набор средств, ограниченных, как правило, нарративными практиками. Несмотря на определенную изначальную заданность мемориальной политики в Косово, для

1 Serbeze Haxhijaj, "The Weak Role of the State of Kosovo in Shaping the Collective Memory of its Past."

2 Obućina 2011, 34.

3 Hashani 2020.

4 Kadare 1999.

нее характерна определенная двойственность. По мнению экспертов, «практики мемориализации в Косово не являются унитарными, а скорее множественными, поскольку воспоминания разных групп конкурируют за место в ландшафте коллективной памяти – особенно тех, кто выступал за мирное политическое взаимодействие, и тех, кто выбрал вооруженную борьбу за независимость»¹. Актуализация этих двух образов прошлого в современной политике исторической памяти фактически санкционирует доминирование националистического дискурса будучи одним из его проявлений.

Комментируя эти родовые особенности исторической политики, Б. Ходжия подчеркивает, что последняя нуждается в радикальной ревизии, так как, по ее мнению, «пришло время выйти из-под гнета официального нарратива о патриотической идентичности Косово, игнорировать его и предложить другие нарративы, неофициальные истории простых людей, нарративы с периферии сообщества, затронутого войной, немонументальные истории, которые принадлежат повседневной жизни»², но не официальной националистической риторике элит. Пересмотр сложившейся мемориальной культуры в Косово затруднен тем, что общество сталкивается с «дефицитом доверия, которое являются ключом к переговорам и установлению автономии нарративов и способов рассказывать о прошлом в поляризованных сообществах... важно помнить, что работа с памятью не может функционировать как способ замены переходной и социальной справедливости, восстановления истины, постоянного неравенства, признания или ответственности»³.

Барьером как для развития политики памяти, так и для появления новых альтернативных мемориальных культур в Косово являются ограниченные ресурсы региона. Например, в 2017 г. администрация Приштины выступила с инициативой превращения одного из бункеров периода СФРЮ в музейный комплекс, который специализировался на визуализации и актуализации в публичных и общественных пространствах опыта албанского сообщества в Югославии и его борьбы против Белграда, но в условиях дефицита финансирования проект не был реализован. В 2024 г. идея музея продолжает обсуждаться исключительно на уровне проекта⁴.

Историческая политика снизу: между семейной и национальной историей

В сложившейся ситуации альтернативу официальной политике памяти представляют, как правило, гражданские активисты, которые по собственной инициативе и совместно с родственниками погибших в ходе конфликта организуют частные музеи, например – Музей семьи мучеников Бериши (*Muzeu i Martirëve të*

1 Vjolla Krasniqi, "Between History and Memory: The Jashari Family Memorial in Prekaz (Kosovo)," Cultures of History Forum, July 7, 2016, accessed August 30, 2024, <https://www.cultures-of-history.uni-jena.de/debates/the-jashari-family-memorial-in-prekaz-kosovo>.

2 Blerta Hoçia, "Memory at the Margins of the Official Narrative in Kosovo," GC Human Rights Preparedness, June 1, 2023, accessed August 30, 2024, <https://gchumanrights.org/gc-preparedness/preparedness-economic-social-and-cultural-rights/article-detail/memory-at-the-margins-of-the-official-narrative-in-kosovo.html>.

3 Sabina Kaqinari, "Memory and Dealing with the Past: Reflections from Kosovo."

4 Blinere Kurtishaj, "War Museum in Kosovo 1998–1999," accessed August 30, 2024, <https://www.inspireli.com/en/awards/detail/6910>.

Familjes Berisha) в Теранде. В целом, к началу 2020-х гг. в Косово существовало от 1166¹ до 1600 мемориалов², посвященных вооруженной борьбе против Белграда. Большинство из них создано по инициативе родственников погибших. Вместе с тем, в ряде случаев инициативы общества и власти оказываются близки, так как «процессы мемориализации обычно сосредоточены на увековечивании памяти героев и мучеников»³.

Подобные мемориальные инициативы на современном этапе воспринимаются двояко. С одной стороны, озвучивается официальная точка зрения, что погибшие албанцы являются «гражданскими жертвами сербского преступного режима»⁴. С другой – имеют место попытки актуализации и альтернативного нарратива, основанного на травме и восприятии истории через призму семьи: «боль жива, хотя прошло столько лет; эта боль живет не только в членах семьи, которые скучают по своим близким, в том числе и по детям. Правда болезненна, их тела до сих пор не возвращены, их судьба еще не известна»⁵, но и в этом случае историческая память ограничена албанскими этническими характеристиками, что позволяет акторам политики памяти игнорировать опыт инокультурных групп⁶.

Тем не менее такая риторика менее значима на фоне заявлений официальных лиц, например, премьер-министра Косово А. Курти, который настаивал, что коллективная память «является нашей жизнью, нашим неизгладимым, травматическим прошлым, которое сегодня представляет собой кровоточащую рану, открытую рану, потому что до сих пор нет ни справедливости для жертвы, ни суда и наказания сербских преступников»⁷. Другим подобным «местом памяти» является Мемориал семьи Яшари в Преказе. В 2005 г. Ассамблея Косово приняла закон о «Мемориальном комплексе А. Яшари», который стал одной из первых попыток элит формировать мемориальную культуру, превратив место захоронения в место «онтологического, антропологического, исторического, культурного и гражданского значения для более широкой албанской нации»⁸.

Более того, по мнению экспертов, мемориал стал частью политики, направленной на конструирование нации – с наделением ее соответствующими изобретенными традициями. Комментируя значение и место мемориала в исторической политике Косово, В. Красники указывает на то, что «мемориал семьи Яшари является местом дискурсивных и мемориальных актов, а также перформативных культурных практик на службе нации. Это – основа коллективной памяти и способов, которыми прошлое представлено и как его значение сохраняется посредством поминовения»⁹.

1 Serbeze Haxhijaj, "Ethnocentric Memorials Dominate Kosovo's War Remembrance Culture," *Balkan Transitional Justice*, April 27, 2022, accessed August 30, 2024, <https://balkaninsight.com/2022/04/27/ethnocentric-memorials-dominate-kosovos-war-remembrance-culture/>.

2 Serbeze Haxhijaj, "The Weak Role of the State of Kosovo in Shaping the Collective Memory of its Past."

3 Vjollca Krasniqi, "Between History and Memory: The Jashari Family Memorial in Prekaz (Kosovo)."

4 Fisnik Minci, "Muzeu i Martirëve të Familjes Berisha – dëshmi e masakrës në Suharekë (Музей семьи мучеников Бериши – свидетельство резни в Сухареке)," *Koha*, March 26, 2021, accessed August 30, 2024, <https://www.koha.net/kulture/264146/muzeu-i-martireve-te-familjes-berisha-ndash-deshmi-e-masakres-ne-suhareke/>.

5 Ibid.

6 Schulze 2014.

7 Fisnik Minci, "Muzeu i Martirëve të Familjes Berisha – dëshmi e masakrës në Suharekë (Музей семьи мучеников Бериши – свидетельство резни в Сухареке)."

8 "Law No. 2004/39 On the Announcement of the Memorial Complex with Special National Interest 'Adem Jashari' in Prekaz," May 15, 2001, accessed August 30, 2024, http://old.kuvendikosoves.org/common/docs/ligjet/2004_39_en.pdf.

9 Vjollca Krasniqi, "Between History and Memory: The Jashari Family Memorial in Prekaz (Kosovo)."

Такие формы мемориализации и актуализации коллективной памяти в публичных пространствах, по мнению Е.А. Колоскова, являются «наиболее массовыми элементами политики памяти»¹, которая, в свою очередь, в значительной степени подвержена мифологизации. Проблема в том, что как исторический, так и политический мифы в современном Косово ограничены героическим нарративом вооруженной борьбы², превращенным в системообразующий компонент мемориальной культуры.

Историческая политика: стабильность

В проведении политики коллективной исторической памяти, несмотря на западные инициативы, направленные на трансляцию ценностей и принципов толерантности и европеизации региональных балканских идентичностей³, основным легитимирующим фактором является албанский национализм. Последний обрекает мемориальную культуру региона на функционирование в рамках жесткой системы идеологием и мифологием, которые генетически восходят к предшествующей националистической традиции⁴, с одной стороны, фактически ее легитимируя, а с другой – ограничивая память актуализацией опыта, полученного в результате военного конфликта с Белградом⁵.

В общественных пространствах историческая политика редуцируется именно до этого мифа, автоматически игнорируя и маргинализируя альтернативные мемориальные культуры, основанные на актуализации «частной боли»⁶ относительно травмы отдельных сообществ, в отношении болезненного коллективного опыта которых общество и политические элиты избрали универсальную тактику замалчивания и игнорирования. В исторической политике региона доминируют официальные нарративы, которые зачастую фиксируют и актуализируют не «парадный», но семейный уровень исторической памяти, визуализируя образ косоваров как жертв. Кроме этого, несмотря на наличие расхождений между мемориальной культурой, предлагаемой элитами, и культурами памяти, основанными на семейной истории и опыте коллективной травмы, историческая политика в Косово альтернативна и оппозиционна сербским версиям прошлого⁷, в рамках которых история региона описывается в исключительно сербоцентричной системе координат.

Политика памяти: проблемы развития

Несмотря на значительную роль национализма в развитии исторической политики и функционировании мемориальной культуры, основные этапы и достижения последней практически не коррелируют с общеевропейскими или

1 Колосков 2022a, 278.

2 Obućina 2011.

3 Kostovicova, Bojičić-Dželilović 2008.

4 Schwandner-Sievers 2013.

5 Baliqi 2018.

6 Martha Beliveau, "The Public Secret and Private Pain of Wartime Sexual Violence: Comparing the Heroinat Memorial and the 2020 Newborn Monument from the Perspective of NGOs in Kosovo," Independent Study Project (ISP) Collection, 2020, accessed August 30, 2024, https://digitalcollections.sit.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4294&context=isp_collection.

7 Draganić 2020.

даже условно общепалестинскими тенденциями. Память и прошлое подверглись не только политизации, идеологизации и инструментализации, став символическим мобилизационным ресурсом, но и последовательной редукции, оказавшись сведенными до воспоминаний бывших участников вооруженного сопротивления Белграду, наиболее успешные из которых создали политический класс в Косово. В этой ситуации другие темы – культ великих древних предков, тема Второй мировой войны, коллаборационизма¹, в соседних странах региона ставшие основой для национализации истории и войн памяти, Приштиной попросту игнорируются.

В подобной ситуации наличия стабильного Другого с чужой памятью системной особенностью формирования и последующего воспроизводства мемориальной культуры является свойственная ей стабильность, которая ограничивает участие общества в обсуждении собственного исторического опыта, образы которого осознаются и конструируются через призму национализма, героизма и жертвенности во имя албанского освобождения. Доминирование именно такого, весьма ограниченного, набора нарративов в практиках и стратегиях политического коллективного «вспоминания» и «проговаривания» прошлого практически исключает попытки пересмотра официального мемориального канона, маргинализируя инициативы, направленные на его ревизию.

Историческая политика и мемориальная культура Косово: особенности и характеристики к середине 2020-х годов

Проанализировав различные направления и проявления политики памяти и формируемой в ее рамках мемориальной культуры, мы можем выделить основные характеристики этого процесса в Косово.

Во-первых, историческая политика формируется и протекает исключительно в «албаноцентричном» дискурсе, что связано с объективными тенденциями национализации прошлого. В связи с этим центральным моментом в коллективном историческом опыте становится антиюгославское/антисербское сопротивление. Во-вторых, политика памяти в современном Косово практически ничем не отличается от аналогичных тенденций в политизации истории, которые имеют место в других странах, где произошло слияние националистического и исторического воображения. В-третьих, политика памяти содействует представленности, (ре)презентации и развитию исключительно тех коллективных представлений о прошлом в публичных и общественных пространствах региона, которые проявляются в мемориализации и осмыслении политического опыта косовских албанцев, в первую очередь – их борьбы за самоопределение и независимость в ходе конфликта с Белградом.

В этой ситуации актуализируется конфронтационная модель исторической памяти, так как версия прошлого, продвигаемого политическими элитами Косово, радикально отличается и противоречит аналогичным стратегиям манипуляции прошлым, используемым Сербией. Поэтому именно войны памяти являются,

1 Pavlaković 2020.

вероятно, универсальными формами для развития обществ, к которым мы можем отнести современное Косово, так как в регионе только формируется политическая нация и доминирует этический национализм, в значительной степени замедляющий консолидацию гражданской идентичности.

Принимая во внимание универсальность политики памяти, как чрезвычайно удобной стратегии и формы манипуляции для решения политических задач и реализации целей элит, мемориальная культура, вероятно, и в дальнейшем будет активно использоваться правящими элитами Косово для консолидации и укрепления как этнической, так и политической идентичности региона, стремящегося к повышению своего статуса до государства-нации.

Таким образом, во внимание следует принимать, что не только косовские элиты, но и международное сообщество частично ответственно за то, что в регионе сложилась именно такая мемориальная культура. Именно предвзятое и, как следствие, узкое «международное восприятие албанцев как “жертв” или “преступников” способствовало консолидации мощного нарратива, основанного на прославлении албанскости, содействуя закрытию общественных дебатов»¹. В такой ситуации склонность к инструментализации истории будет содействовать тому, что историческая память современного Косово продолжит функционировать в условиях ограниченного числа актуализируемых моментов исторического коллективного опыта, используя ресурсы и потенциал этнического национализма, стимулируя, с одной стороны, мемориальную конфронтацию с Белградом, а с другой – содействуя постепенной эрозии мемориального компромисса и актуализации альтернативных культур памяти.

Мемориальная культура: национализм и перспективы развития

Обладание ограниченным суверенитетом, неполная представленность в международных организациях, наличие внешних центров силы влияет на то, как и каким образом правящие политические элиты проводят историческую политику. Понимание дефицита легитимности, вызванное наличием территориальных претензий со стороны Сербии на весь регион или его северную часть, наличие в сербском обществе устойчивых настроений, согласно которым Косово является исторически сербской территорией, осознание того, что признание со стороны 85 государств не свидетельствует о признании суверенитета в полной мере – именно эти факторы вынуждают власти региона проводить такую мемориальную политику, которая в большой степени основана на постоянной и неизбежной актуализации принципов этнического национализма, образов Другого, представлений о Косово как жертве.

Косовская мемориальная культура представлена мощным националистическим трендом, основанным на актуализации мифа о героической борьбе косоваров против Белграда, что автоматически маргинализует альтернативные культуры памяти, в основе которых лежит восприятие Косово как жертвы,

1 Di Lellio, Schwandner-Sievers 2006.

что указывает на важность актуализации коллективной травмы, полученной в 1990-е – начале 2000-х годов. Именно отсутствие полного международно-го признания, сохранение статуса государства *de facto*, тенденции социально-экономического кризиса, крайне низкий уровень развития инфраструктуры и жизни населения обрекают косовские политические элиты на игнорирование политики памяти как важного символического ресурса реальной политики.

Отсутствие полного признания обрекает историческую политику в Косово на замкнутость в исключительно этнической системе координат, что фактически исключает или делает невозможным, в лучшем случае – маловероятным, развитие альтернативной мемориальной культуры, основанный не на принципах этнического национализма, не на идеях универсальности этничности, языка и крови, но на ценностях гражданского и открытого общества. Используя именно такие стратегии в мемориальной культуре, власти стремятся как легитимировать собственное положение, так и консолидировать общество перед лицом внешних реальных и воображаемых политических и идеологических вызовов.

Поэтому историческая политика в дальнейшем будет проводиться двумя группами акторов. С одной стороны, государственные служащие и связанные с ними интеллектуалы будут актуализировать официальную версию мемориальной культуры, основанной на героическом опыте вооруженного сопротивления, игнорируя таким образом опыт других меньшинств, подвергнутых маргинализации и принудительному забвению, вытеснению на периферию пространства коллективной памяти. С другой – нельзя исключать и того, что будут развиваться альтернативные (гражданские) мемориальные культуры, основанные на ценностях гражданского общества, актуализации опыта жертв и признания коллективных травм, которые косовское общество получило, начиная с 1990-х годов.

Выводы

В Косово, как государстве *de facto*, в рамках политической культуры, которая развивалась на протяжении первой четверти XXI в., сложилось неформальное разделение труда между политическими элитами и гражданским обществом. Если правящие элиты, ранее связанные с национальным движением, вооруженной борьбой и Армией освобождения Косово, монополизировали процессы государственного строительства, формируя политические институты и превращая регион в государство *де факто*, то представители косовского гражданского общества взяли ответственность за развитие и репрезентацию альтернативной политической культуры, в том числе – и в сфере коллективной исторической памяти.

Именно такое неформальное разделение труда между правящими элитами и гражданским обществом как двумя коллективными акторами исторической политики и предопределило особенности формирующейся мемориальной культуры. В основе развития последней лежит разнонаправленное сосуществование героической памяти элит и альтернативной контрпамяти жертв. Эти две тенденции будут сосуществовать параллельно в косовском обществе, практически не пересекаясь, так как потребителями таких версий памяти будут являться разнонаправленные социальные и культурные группы.

Мемориальная культура в современном Косово развивается в рамках исторической политики, проводимой политическими элитами, но, принимая во внимание тенденции к политической и социально-экономической нестабильности, отсутствие полного международного признания, косовская политика памяти и формируемая в результате ее проведения коллективная историческая память в ближайшие годы будут зависеть от описанных выше тенденций, развиваясь преимущественно в системе координат этнического национализма, содействуя маргинализации альтернативных форм памяти, хотя и последние, несмотря на свой непривлекательный статус, будут ограниченно поддерживаться отдельными сегментами гражданского общества в современном Косово.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Иллар, П. Косово и геополитика Балкан // Вопросы национализма. 2011. Выпуск 3. С. 120–123.
- Hllard, Pierre. "Kosovo and the Geopolitics of the Balkans." *Voprosy Nazionalizma* 3 (2011): 120–123 [In Russian].
- Кандель, П.Е. Сербия между Косово, ЕС и Россией // Мировая экономика и международные отношения. 2009. Выпуск 1. С. 52–60.
- Kandel, Pavel E. "Serbia between Kosovo, the EU and Russia." *World Economy and International Relations* 1 (2009): 52–60 [In Russian].
- Колосков, Е.А. Память о войне 1998–1999 гг. в современном Косово // Историческая политика в странах бывшей Югославии, под ред. М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2022a: 276–280.
- Koloskov, Evgeniy A. "Remembrance of the 1998–1999 War in Modern Kosovo." In *Historical Politics in the Countries of Former Yugoslavia*, edited by M. Belov. Saint Petersburg: Nestor-Istorija Publications, 2022a: 276–280 [In Russian].
- Колосков, Е.А. Строительство vs разрушение: памятники и мемориальные пространства Северной Македонии и Косово // Историческая политика в странах бывшей Югославии, под ред. М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2022b: 384–393.
- Koloskov, Evgeniy A. "Construction vs. Destruction: Monuments and Memorial Spaces in North Macedonia and Kosovo." In *Historical Politics in the Countries of Former Yugoslavia*, edited by M. Belov. Saint Petersburg: Nestor-Istorija Publications, 2022b: 384–393 [In Russian].
- Крюков, К. Косово – страна победившего экстремизма (хронология событий). Правоохранительные органы: теория и практика. No. 1 (2009): 120–123.
- Kryukov, K. "Kosovo – a Country of Victorious Extremism (Chronology of Events)." *Law Enforcement Agencies: Theory and Practice* 1 (2009): 120–123 [In Russian].
- Энтина, Е.Г. Международный фактор во внутриполитических трансформациях в «албанском мире» Косово // Международная аналитика. 2021. Том 12 (1). С. 112–131. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-112-131>.
- Entina, Ekaterina G. "The International Factor in Domestic Political Transformations in the 'Albanian World' of Kosovo." *Journal of International Analytics* 12, no. 1 (2021): 112–131 [In Russian].
- Anderson, Benedict. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London; New York: Verso, 1983.
- Assmann Aleida. "From Collective Violence to a Common Future: Four Models for Dealing with a Traumatic Past." In *Conflict, Memory Transfers and the Reshaping of Europe*, edited by Helena Gonçalves da Silva. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2010: 8–23.
- Baár, Monika. *Historians and Nationalism: East-Central Europe in the Nineteenth Century*. Oxford: OUP, 2010.
- Baliqi, Bekim. "Contested War Remembrance and Ethnopolitical Identities in Kosovo." *Nationalities Papers* 3 (2018): 471–483. <https://doi.org/10.1080/00905992.2017.1375906>.
- Berishaj, Anton. "Violence Following Violence." *Psychosocial Notebook* 2 (2001): 79–86.
- Brackob, A.K. *The Formation of the Albanian National Consciousness*. Las Vegas, NV: Vita Histria, 2022.
- Di Lellio, Anna, Rushiti, Feride, and Kadire Tahiraj. "Thinking of You' in Kosovo: Art Activism Against the Stigma of Sexual Violence." *Violence Against Women* 25, no. 13 (2019): 1543–1557. <https://doi.org/10.1177/1077801219869553>.
- Di Lellio, Anna, and Stephanie Schwandner-Sievers. "The Legendary Commander: The Construction of an Albanian Master-Narrative in Post-War Kosovo." *Nations and Nationalism* 12, no. 3 (2006): 513–529. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2006.00252.x>.
- Draganić, Anđela. "Remember to not Forget. Construction of the Serbian Collective Memory through Media Reportage of the Commemorations of the Kosovo War." *The Maastricht Journal of Liberal Arts* 12 (2020): 65–80. <https://doi.org/10.26481/mjla.2020.v12.776>.
- Ermolin, Denis S. "Multiple Voices of the Past: (Hi)stories and Memories from the Ethnically Mixed Neighbourhoods in Pristina." *Colloquia Humanistica*, no. 10 (2021): 1–29.
- Halbwachs, Maurice. *Les Cadres Sociaux de la Mémoire*. Paris: Félix Alcan, 1925. <https://doi.org/10.1515/9783110869439>.
- Halbwachs, Maurice. *Social Frameworks of Memory*. Paris: Félix Alcan, 1925 [In French].
- Hashani, Besa. "Elegy for Victims of Misused Memory: Ismail Kadare's Three Elegies for Kosovo (1998)." *De Europa* 3, no. 2 (2020): 165–182.
- Hoxha, Abit, and Kenneth Andresen. "Violence, War, and Gender: Collective Memory and Politics of Remembrance in Kosovo." In *Europeanisation and Memory Politics in the Western Balkans. Memory Politics*

and *Transitional Justice*, edited by Ana Milošević and Tamara Trošt. London; New York: Palgrave Macmillan, 2021: 263–283. https://doi.org/10.1007/978-3-030-54700-4_11.

Ingimundarson, Valur. "The Politics of Memory and the Reconstruction of Albanian National Identity in Postwar Kosovo." *History and Memory* 19, no. 1 (2007): 95–123. <https://doi.org/10.2979/his.2007.19.1.95>.

Kadare, Ismail. *Temps Barbares*. Paris: L'Archipel, 1999.

Kadare, Ismail. *Barbarian Times*. Paris: L'Archipel, 1999 [In French].

Kalemaj, Ilir. *Contested Borders: Territorialization, National Identity and «Imagined Geographies» in Albania*. Berlin; New York: Peter Lang Ltd, International Academic Press, 2014.

Kočan, Faris. "Collective Memory and an Interpretative Approach: The Struggle over Kosovo's Independence as an Ideational Background for Contemporary Serbia's Foreign Policy Choices." *Croatian Political Science Review* 56, no. 3/4 (2019): 200–217. <https://doi.org/10.20901/pm.56.3-4.09>.

Kostovicova, Denisa. *Kosovo: The Politics of Identity and Space*. London; New York: Routledge, 2005. <https://doi.org/10.4324/9780203087145>.

Kostovicova, Denisa, and Vesna Bojičić-Dželić. "Europeanizing the Balkans: Rethinking the Post-Communist and Post-Conflict Transition." *Ethnopolitics* 5, no. 3 (2008): 223–241. <https://doi.org/10.1080/17449050600911091>.

Krasniqi, Elife. "Kosovar Albanian Historiography Reflects a Long History of Oppression..." *The Historical Expertise* 4 (2020): 159–185.

Krasniqi, Vjollca, Sokolić, Ivor, and Denisa Kostovicova. "Skirts as Flags: Transitional Justice, Gender and Everyday Nationalism in Kosovo." *Nations and Nationalism* 26, no. 2 (2020): 461–476. <https://doi.org/10.1111/nana.12593>.

Lafontaine, Annie. "After the Exile: Displacements and Suffering in Kosovo." *Psychosocial Notebook* 2 (2001): 53–78.

Mallot, J. Edward. *Memory, Nationalism, and Narrative in Contemporary South Asia*. London; New York: Palgrave Macmillan, 2012.

Nora, Pierre. *Rethinking France: Les Lieux de mémoire. Vol. 4: Histories and Memories*. Chicago: University of Chicago Press, 2010.

Nora, Pierre. "Between Memory and History: Les lieux de mémoire." *Representations* 26 (1989): 7–24.

Obućina, Vedran. "A War of Myths: Creation of the Founding Myth of Kosovo Albanians." *Suvremene teme/ Contemporary issues* 4, no. 1 (2011): 30–44.

Pavlaković, Vjeran. "Memory Politics in the Former Yugoslavia." *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej* 18, no. 2 (2020): 9–32. <https://doi.org/10.36874/RIESW.2020.2.1>.

Potter, Matthew C. *Representing the Past in the Art of the Long Nineteenth Century: Historicism, Postmodernism, and Internationalism*. London; New York: Routledge, 2022.

Salvatici, Silvia. "Memory Telling. Individual and Collective Identities in Post-War Kosovo: The Archives of Memory." *Psychosocial Notebook* 2 (2001): 15–52.

Schulze, Rainer. "Unheard Voices: Roma and the Kosovo War." *Kultura/Culture*, no. 5 (2014): 131–140.

Schwandner-Sievers, Stephanie. "The Bequest of *Illegalja*: Contested Memories and Moralities in Contemporary Kosovo." *Nationalities Papers* 41, no. 6 (2013): 953–970. <https://doi.org/10.1080/00905992.2013.767792>.

Stanislawski, Michael. *Zionism and the Fin de Siècle: Cosmopolitanism and Nationalism from Nordau to Jabotinsky*. Berkeley: University of California Press, 2001.

The Invention of Tradition, edited by Eric Hobsbawm, and Terrence Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107295636>.

Zdravković-Zonta, Helena. "Narratives of Victims and Villains in Kosovo." *Nationalities Papers* 37, no. 5 (2009): 665–692. <https://doi.org/10.1080/00905990903122891>.

Сведения об авторах

Максим Валерьевич Кирчанов,

д.и.н., доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран

Воронежского государственного университета

394068, Россия, Воронеж, Московский проспект, 88

e-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 2 сентября 2024

Переработана: 12 сентября 2024

Принята к публикации: 26 сентября 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Кирчанов, М.В. Историческая политика в Косово: память элит и контрпамять жертв в публичных пространствах государства *de facto* (противоречия коллективной памяти и мемориальной культуры) // Международная аналитика. 2024. Том 15 (3). С. 91–107.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-91-107>

History Politics in Kosovo: Elites' Memory and Victims' Counter-Memory in Public Spaces of the De Facto State (Contradictions of Collective Memory and Memorial Culture)

ABSTRACT

The article examines the development of collective historical memory in Kosovo, a region with contested international political status. The study aims to analyze the memorial policies pursued by Kosovo's regional political elites, which contribute to the consolidation of the region's political identity. Additionally, the role and significance of history and perceptions of the past in the discourse shaped by the elites of modern Pristina are explored. Methodologically, the article draws on the interdisciplinary contributions of historiography, particularly the memorial turn, as well as studies that analyze nationalism as a factor in the evolution and transformation of memorial cultures. The novelty of the study lies in its examination of the current stage of historical policy development in Kosovo, a region that is striving for institutionalization and recognition as a nation-state. The article demonstrates that: 1) Kosovo's political elites actively leverage both the real and symbolic potential of collective memory, 2) the region's historical policy and memorial culture are marked by a high degree of ideologization, and 3) nationalism plays a pivotal role in shaping the main vectors and trajectories of historical policy and memorial culture. The study suggests that the memory policies enacted by the elites tend to blend ethnic and civic Albanian nationalism, characterized by a high level of politicization and ideologization of history. This active use and instrumentalization of historical narratives in public and social spaces transforms collective memory into a tool for memorial confrontation and memory wars.

KEYWORDS

historical memory, memory policy, Kosovo, memory wars, instrumentalization of history, memorial culture

Author

Maksim V. Kirchanov,
PhD (Hist.), Associate professor, Department of Regional Studies and International Economies,
Voronezh State University
88 Moscovskiy avenue, Voronezh, Russia, 394068
e-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Additional information

Received: September 2, 2024, Revised: September 12, 2024. Accepted: September 26, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Kirchanov, Maksim V. "History Politics in Kosovo: Elites' Memory and Victims' Counter-Memory in Public Spaces of the De Facto State (Contradictions of Collective Memory and Memorial Culture)." *Journal of International Analytics* 15, no. 3 (2024): 91–107.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-91-107>